

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.3.5>

UDC 94(470.45)
LBC 63.3(2Рос–4Вор)

Submitted: 19.02.2016
Accepted: 15.05.2016

EVOLUTION OF COMMUNAL ORDER OF THE SAREPTA MISSIONARY SETTLEMENT THROUGHOUT THE 19TH CENTURY¹

Andrey V. Kuryshev

Old Sarepta Museum of History and Ethnography, Volgograd, Russian Federation

Aleksandr E. Parfenov

Old Sarepta Museum of History and Ethnography, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the social and economic processes that took place in the Sarepta missionary settlement near Tsaritsyn (now Volgograd, Russia) in the 19th century. Those processes eventually led to dramatic changes in the life of Sarepta residents and to the loss of status of missionary settlement. Sarepta was founded in 1765 by the Moravians to fulfill missionary activities among the Kalmyks. Initially the life in Sarepta was based on communal principles. The Sarepta Moravians were organized into groups (choirs) according to their sex, age, and marital status. The choirs lived by strict rules and were supervised by superiors. The Sarepta economy was organized in a similar way with the single ruling centre and communal distribution of the production. In the course of the 19th century the Sarepta community was gradually disorganized under the pressure of a number of factors. The key factor consisted in the development of capitalism. Facing a severe competition from manufacturers of the region, Sarepta had to respond to the needs of time and introduce private entrepreneurship which was more effective but incompatible to the communal economic system. Another destructing factor was the inflow of non-Moravian population into Sarepta caused by the deficit of workforce in the settlement. Those newcomers were free from the restrictions imposed upon Sarepta Moravians by the community authorities. Alongside with the strengthening of their economic position they made more and more insistent claims on the Moravian communal property. Rights-of-ownership conflicts between Sarepta inhabitants and the Directorate of the Moravian church in Germany eventually led to exclusion of Sarepta from the system of Moravian settlements in 1892.

Key words: missionary settlement Sarepta, Moravian brothers, communal economy, transformation, capitalism relations.

УДК 94(470.45)
ББК 63.3(2Рос–4Вор)

Дата поступления статьи: 19.02.2016
Дата принятия статьи: 15.05.2016

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩИННОГО УКЛАДА КОЛОНИИ САРЕПТА НА ПРОТЯЖЕНИИ XIX ВЕКА¹

Андрей Витальевич Курышев

Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»,
г. Волгоград, Российская Федерация

Александр Евгеньевич Парфенов

Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические процессы, протекавшие в миссионерской колонии Сарепта, близ Царицына, на протяжении XIX в. и приведшие к радикальному изменению жизненного уклада этого селения и утрате им статуса колонии. Сарепта была основана в 1765 г. под Царицыном членами Братского Союза гернгутеров (Моравских братьев) – религиозной организации протестантского направления с центром в г. Гернгут (Саксония). Духовная и светская стороны жизни Сарепты были построены на общинных началах. Собственность на средства производства и ведение хозяйства Сарепты также были общинными. На протяжении XIX в. общинный уклад жизни в Сарепте постепенно разрушался под действием ряда факторов. Главным из факторов было развитие капиталистических отношений в России, и в частности на Нижней Волге.

Ключевые слова: миссионерская колония Сарепта, Моравские братья, общинная экономика, трансформация, капиталистические отношения.

В 1765 г. на берегу правого притока Волги – реки Сарпы, в 28 верстах южнее Царицына, была основана колония Сарепта. Само по себе это событие не было уникальным для России начала царствования Екатерины II. Одной из ее первых политических и социально-экономических акций было приглашение иностранцев селиться в необжитых районах Российской Империи, развивать промышленность, сельское хозяйство, ремесла, торговлю. Переселенцам обещались льготы и всякая поддержка со стороны правительства России в обустройстве на новом месте. Многие жители Европы откликнулись на призыв русской императрицы и двинулись в Россию. Главным образом это были выходцы из немецких княжеств, бегущие от политических потрясений и экономических трудностей. В Россию их влекли обещания плодородных земель и тучных пастбищ, которые щедро раздавались так называемыми зазывателями – агентами Екатерины II, ездившими по Европе и вербовавшими переселенцев в Россию. Нижнее Поволжье было регионом, куда преимущественно направлялись переселенцы. За первое десятилетие колонизационной политики, к 1774 г., здесь было основано более 100 иностранных колоний, главным образом немецких. Среди них была и Сарепта [4, с. 75].

Сарепта занимает особое место среди остальных поволжских (и не только поволжских) колоний. В отличие от других иностранных колоний, которые населялись произвольно объединенными в одном месте семьями переселенцев, Сарепта была основана жест-

ко централизованной религиозной организацией – Братским Союзом гернгутеров, с центром в г. Гернгут (Саксония). Это обстоятельство определило социально-экономическую специфику Сарепты и уникальность ее истории на фоне других колоний. Уникальность истории Сарепты состоит не только в том, что это была единственная религиозная иностранная колония в России, но и в том, что впоследствии, уже в XX в., эта колония трансформировалась в городской район Сталинграда. Важной частью процесса трансформации было разложение общинного уклада Сарепты, установленного ее основателями в соответствии с положениями Братского Союза гернгутеров о социально-экономическом устройстве его колоний. Эволюция общинного уклада Сарепты, таким образом, сыграла значительную роль в истории не только самого этого поселения, но и Волгограда, и эта тема заслуживает отдельного рассмотрения.

Историография Сарепты насчитывает более 70 публикаций, немалая их часть посвящена социально-экономическому укладу поселения. Среди них можно назвать статью В.Н. Медведева «Евангелическая братская община гернгутеров и Евангелическо-лютеранская община Сарепты», опубликованную в № 1–2 журнала «Наша церковь» за 1996 г., серию его же статей о традиционной хозяйственной деятельности сарептских гернгутеров в разных выпусках историко-этнографического вестника «Сарепта». Общинному устройству колонии посвящены также отдельные разделы (главы, параграфы) общих работ о Сареп-

те и об иностранной колонизации Нижнего Поволжья. Среди них особо можно выделить работу сарептского историка А. Глича «История братской общины Сарепты в восточной России в течение ее столетнего существования», работу историка Братского Союза гернгутеров Х. Хафы «Братская община Сарепты. К истории немцев Поволжья» и коллективный труд научных сотрудников музея-заповедника «Старая Сарепта» А.В. Курышева, В.Н. Медведева, А.В. Максимова и С.Н. Лолицкого «Сарепта: история успеха». Общим для этих изданий является то, что общинный уклад Сарепты они описывают в статике, просто раскрывая его особенности и почти не касаясь его эволюции. Если этому вопросу и уделяется какое-то внимание (как, например, у А. Глича), то либо просто констатируется факт «падения нравов» в поселении, либо называется лишь ограниченный круг причин разрушения общинного уклада Сарепты – только неудача миссионерской работы сарептян или развитие капиталистических отношений в Сарепте. Комплексно причины и ход разложения общинного уклада Сарепты не рассматриваются нигде.

Религиозно-нравственные порядки в Сарепте были оговорены внутренним братским соглашением 1768 г., в котором отмечалось, что новая община по примеру других общин Братства и по Уставу Гернгута будет следовать предназначенной ей миссии. Вся сарептская община обязалась соблюдать соглашение, имея в виду, что в Сарепте не должно практиковаться ничего, противоречащего религии Братского Союза. Предписывалось ограничивать себя в пище и крепких спиртных напитках, чтобы это не вело к непорядочному поведению. Одежду надо было носить скромную, не следуя моде, избегать роскоши. Братья должны были сохранять мир со всеми людьми и протягивать руку помощи [1, л. 16–17]. В главе 3 внутреннего соглашения «О соблазнах в общине» говорится о том, что община будет избегать тех, кто «творит разрушение и неприятность учению, которое мы восприняли от Господа» [1, л. 18–21].

Религиозный устав Сарепты определял особенности жизненного уклада этого поселка. Свою жизнь гернгутеры подчиняли строгим правилам в соответствии с установками

своей церкви. Рассмотрим основные из них, определявшие специфику этого поселения среди окружающих его русских, татарских, украинских сел и калмыцких кочевий. Община Сарепты (ее члены называли себя братьями и сестрами) делилась на так называемые корпорации или хоры. Деление осуществлялось по гендерному принципу и семейному положению членов общины. Так, в Сарепте были корпорации (хоры) незамужних сестер, неженатых братьев, хор приватных, то есть семейных, и хор вдов. Члены каждого хора жили в общих домах, за исключением приватных, которые жили в своих частных домах. Над каждым хором был установлен настоятель (настоятельница), которые следили за соблюдением распорядка дня и нравственностью членов своего хора. Распорядок дня в разных хорах был почти одинаковым: молитвы – каждый хор молился в своем хоровом доме, также были общие молитвы в кирхе, – работа в хоровых мастерских, прием пищи в установленное время, отдых. Нравы в Сарепте были очень строгими. Рядовые члены общины должны были беспрекословно подчиняться настоятелю своего хора, за непослушанием следовало наказание. Сарептяне избегали шумных увеселений, танцев, даже просто веселый смех не приветствовался. Песни пели только на религиозные темы. Вместе с тем в Сарепте часто звучали светские произведения композиторов того времени: Моцарта, Бетховена, Гайдна. Строгость нравов прослеживалась и в одежде. Она была простого покроя, преимущественно темных тонов [9, с. 40–44].

В течение своей жизни гернгутер переходил из одной корпорации в другую. Первый такой переход происходил в 15-летнем возрасте, до этого дети жили с родителями. По достижении 15 лет подростки проходили обряд конфирмации – вступления в лоно церкви. Обряду предшествовал экзамен на знание Священного Писания. Во время самой конфирмации пастор произносил проповедь с напутствиями молодым людям, после этого они впервые допускались к Святому Причастию. Пройдя обряд конфирмации, юноши и девушки становились полноправными членами общины и переходили, соответственно, в корпорацию неженатых братьев и корпорацию незамужних сестер. Встречаться, проводить

время наедине молодым людям было строго запрещено. За этим в поселке следила так называемая нравственная полиция. За связь до брака молодых людей могли исключить из общины [7, с. 45–47].

Браки в Сарепте заключались фактически по принуждению, но это было принуждение особого рода и носило название «брак по жребью». Вообще жребий играл в жизни гернгутеров особую роль указателя воли Божьей. К жребью гернгутеры прибегали при решении всех значимых вопросов, в том числе при заключении браков. Брак по жребью заключался следующим образом. Накануне определенного дня высшее церковное руководство общины выбирало из незамужних и неженатых членов общины кандидатуры женихов и невест. Подбор старались делать таким образом, чтобы женихи и невесты в общем соответствовали друг другу. В число женихов также включались только те мужчины, которые обучились какому-либо ремеслу и могли прокормить семью. Имена женихов и невест записывались на листки бумаги, которые затем сворачивались и клались в две урны. В назначенный день женихи и невесты собирались в кирхе. После молитвы девочка и мальчик не старше 5 лет доставали из урн по одному листку – с именем жениха и невесты – и отдавали их пастору. Пастор, не разворачивая листков, благословлял назначенную жребием пару, и брак считался совершенным. Лишь после этого листки бумаги разворачивались, и имена обрученных назывались вслух. В один день таким образом могло быть заключено несколько браков. В случае несовпадения числа записок с мужскими и женскими именами некоторые претенденты могли остаться без пары. В таком случае их имена участвовали в жеребьевке в следующий раз.

Брак по жребью являлся, возможно, наиболее экзотичной особенностью жизни гернгутеров. В его основу была положена их специфическая система религиозных взглядов на взаимоотношения между членами братских общин и Богом – «религия брака». Она рассматривала Иисуса Христа в качестве жениха, а общину – в качестве невесты, временно с Ним разлученной и стремящейся к воссоединению. Исходя из общности мужчин и женщин с Богом, «религия брака» представляла

земной брак как служение Иисусу Христу, союз сподвижников. Мужчина наделялся правами «прокуратора», «наместника» Бога на земле. Женщина рассматривалась в качестве невесты Иисуса Христа, временно вышедшей замуж за Его представителя. Поэтому ей должно быть неважно, за кого выходить замуж, лишь бы спутник земной жизни был истинным христианином, членом братской общины. После заключения брака молодожены переходили в корпорацию приватных и поселялись либо в доме родителей, либо строили себе свой отдельный дом [9, с. 48–51].

Потерявшие супруга или супругу члены общины переходили в корпорацию вдовцов и вдов. Вдовы жили в Сарепте в отдельном общежительном доме. Корпоративный принцип построения общины гернгутеров соблюдался даже на кладбище, где могилы группировались в соответствии с принадлежностью членов общины к той или иной корпорации на момент смерти. Сами похороны проходили необычно для представителей иных христианских конфессий. Гернгутеры верили, что после смерти члены их церкви гарантированно попадают в рай, где соединяются с Богом. Гернгутеры не скорбели, а радовались уходу своих единоверцев в мир иной. Похоронный обряд сопровождался пением религиозных гимнов, а в одеждах и убранстве гроба преобладали светлые тона.

Таким был порядок жизни в Сарепте. Это была религиозная община, жившая по строгим правилам, близким к монастырским. И главной целью своего обоснования в России сарептяне ставили обращение в свою веру языческих народов.

Однако условия, в которых существовала Сарепта, не позволили ей долго оставаться таким замкнутым экзотическим уголком Моравской церкви на Нижней Волге. Практически сразу после основания колонии в ней начались процессы, которые постепенно приводили к ослаблению религиозного начала в жизни поселения и преобладанию мирских интересов у его жителей.

Одной из главных причин этого процесса была неудача миссионерской работы гернгутеров Сарепты [5, с. 297–303]. Еще на этапе подготовки к основанию колонии в России дирекция Братского Союза решила, что объек-

том их проповедей будут калмыки, кочующие в нижневолжских степях. Однако, приступая к миссионерской работе, гернгутеры имели слабое представление о культурных особенностях калмыков. Прибыв на место и начав общение с калмыками, миссионеры с удивлением обнаружили в них не степных язычников с примитивными верованиями, а народ, исповедовавший древнюю религию – буддизм, с которым в Европе в то время были мало знакомы. Впервые сарептяне посетили калмыцкие кочевья с миссионерской целью в 1769 году. До этого они навещали калмыков для налаживания хозяйственных связей и изучения калмыцкого языка. Калмыки также нередко посещали Сарепту с торговыми целями, а также лечились у сарептских врачей. Миссионерская поездка к калмыкам в 1769 г. оказалась unsuccessful. Лишь в 1780 г. сарептянам удалось крестить незрячую калмыцкую девочку, которую отец отпустил в Сарепту еще в 1769 году. В 1806 г. сарептские миссионеры выкупили с разрешения властей у киргиз-кайсаков (казахов) четырех девочек – во время голода кочевники нередко продавали своих детей. Девочки были крещены в 1810 году. Более успешным был для сарептских миссионеров 1815 г., когда во время экспедиции в Хошеутовский улус им удалось крестить 23 калмыка. Однако в 1817 г. новообращенные калмыки были изгнаны из улуса и расположились в отдельном лагере.

В 1822 г. сарептянам было официально запрещено проповедовать среди нехристиан, разрешалось только распространение Библии. Называлось несколько причин запрета. Во-первых, в деле обращения язычников в Христианство правительство ожидало отдавало приоритет Православной церкви. Во-вторых, колонисты Сарепты никогда не имели официального разрешения на миссионерскую деятельность от российских властей. При определении условий поселения гернгутеров в России они получили от Екатерины II только устные заверения в поддержке их миссионерской деятельности. Императрица не хотела обострять отношения с Православной церковью России в самом начале своего царствования. После официального запрета сарептянам вести миссионерскую работу среди язычников ре-

шилась и судьба 23 обращенных сарептскими проповедниками калмыков. В октябре 1823 г. их лагерь подвергся грабительскому нападению соплеменников, возглавляемых духовенством. Обращенные калмыки вынуждены были бежать в Царицын под защиту российских властей. Там их опять крестили, но уже по православному обряду.

Не оставляя надежд на обращение калмыков в Христианство, сарептские миссионеры в мае – августе 1823 г. совершили новую экспедицию в шесть калмыцких улусов с целью распространения книг Священного Писания. При выполнении этой миссии братья столкнулись с очень недоброжелательным отношением калмыцкого народа и знати. В распространении Евангелия те видели попытки вмешаться в свое традиционное кочевое общество, превратить калмыков в европеизированное оседлое население. Представители духовной и светской власти калмыков объясняли попытки христианизации калмыков намерением их ассимиляции. Они не желали отказываться от своей феодальной власти и элементов автономии. В ходе этой поездки миссионерам удалось раздать около 300 экземпляров Священного Писания. Это была последняя миссионерская экспедиция сарептян к калмыкам. Таким образом, главная цель основателей колонии Сарепта не была достигнута.

Гораздо успешнее в этот период развивались торговые отношения Сарепты как с близлежащими, так и с удаленными населенными пунктами. Находясь далеко от своей метрополии – Гернгута, – сарептяне должны были самостоятельно обеспечивать себе материальную базу существования. Эта необходимость толкала их к развитию разных производств и налаживанию торгово-экономических связей, тем более что к этой стороне жизни в далекой России братья подготовились гораздо лучше, чем к миссионерству.

К созданию юридической и материальной базы будущего поселения Братское Общество отнеслось настолько серьезно, что привилегиям и льготам, полученным колонией Сарепта, позавидовали бы многие города России. В ходе долгих переговоров с Российским правительством в Санкт-Петербурге делегатов Центральной Дирекции братства

были сформулированы принципы основ экономической жизни колонии на территории России:

1. Колония получала отведенную под поселение землю в вечное владение, а также имела наследственное право.

2. Братство имело право строить города, села и деревни, школы, заводить фабрики и мануфактуры, организовывать различные промыслы.

3. Поселение освобождалось в течение 30 лет от податей, а выдаваемые ссуды на развитие различных производств должны были взыскиваться через 10 лет.

4. Братству было дано разрешение иметь представительство в Санкт-Петербурге. (Впоследствии купленный по решению Екатерины II в столице за счет казны дом значительно облегчил Сарепте коммерческую деятельность и позволил расширить деловые связи, а также поддерживать контакты с правительством) [4, с. 439–441].

Особо были оговорены принципы религиозно-общинного совместного ведения хозяйства в соответствии с уставом Братского общества, а именно то, что исключалось разделение земли между членами общины, денежные авансы, выдаваемые российским правительством, зачислялись на общий счет колонии и выдавались не отдельным колонистам, а на руки начальнику колонии. Налоги община должна была платить не с каждого колониста, но со всего общества.

Тяжелыми для жизни были первые десять лет существования колонии. Общине Сарепты приходилось осваивать местные, незнакомые условия степного ведения хозяйства, защищаться от набегов степных кочевников (потратив силы и средства на строительство крепости вокруг поселения, что легло дополнительным бременем на общинную экономию), рискуя жизнью, совершать миссионерские поездки в калмыцкую степь. Однако этот же первый десятилетний период существования колонии характерен и небывалым успехом торговой и производственной деятельности колонистов. Причиной этого успеха явились хорошо подготовленная материальная база Сарепты, отличные деловые качества колонистов и постоянная связь с Германией, позволяющая доставлять в коло-

нию мастеров, владеющих ремеслами, ранее в этих местах неизвестными. Немаловажным условием развития коммерции было и то, что в этой малонаселенной, удаленной от торговых и производственных центров России местности, обладая европейским отношением к ведению дела, можно было легко найти рынок сбыта своих товаров.

В это время ориентирование на самофинансирование для обеспечения главной цели общины – миссионерства еще способствовало развитию экономики Сарепты как коммуны, где каждый ее член должен был обучиться коммерции или освоить одну ремесленную специальность. Завершив обучение, член общины обычно работал на благо общины в общинном или корпоративном заведении. Труд сарептянина-гернгутера освящался верой в благое и полезное дело. Работая, он каждый день совершал «литургию труда» во славу Иисуса Христа. Община платила мастерам, подмастерьям и ученикам годовую зарплату. Частные мастера были самостоятельны в производстве, но также курировались дирекцией общины и коллегией попечителей, отчисляли часть прибыли в общинную кассу [9, с. 166–167]. Однако мастеров, которые были в состоянии начать собственное дело за собственные деньги, было мало.

В первые десять лет сарептяне возвели необходимые для жизни общинные и частные дома, жители разместились в них по корпорациям, причем каждая корпорация получила свое хозяйство и определенное занятие. Были открыты пекарня, портняжная, сапожная, столярная, плотничная, кузнечная, горшечная мастерские, затем открыты свечной, кожевенный и винокурный заводы, красильня и бойня, кондитерская, а также табачная фабрика, открыты магазин и гостиница. Были разведены плодовые и виноградные сады, построены пильная и мукомольная мельницы. Для развития сельского хозяйства в двух верстах от колонии был основан хутор Шенбрун, на полях которого выращивалась пшеница, рожь, табак, держался скот и выращивались арбузы. За счет общинных денег были организованы магазины в главных городах Нижнего Поволжья (Астрахань, Саратов), а также в Москве и Санкт-Петербурге. Постепенно возникло такое количество предприятий, какого

не было ни в какой другой общине Братского Общества по всему миру.

Производимые Сарептой товары пользовались огромным спросом, быстро и выгодно продавались. Главными потребителями сарептской продукции были калмыки, перекочевавшие в соседние с колонией степи, казаки (донские и волжские), пехотные и кавалерийские части российской армии, следовавшей на южные границы России; а с началом русско-персидской и турецкой кампаний число проходивших через колонию войсковых подразделений возросло, что соответственно увеличило рост продаж в сарептском магазине, в котором три человека едва успевали отпускать товар [4, с. 444].

Первый серьезный и, главное, неожиданный удар по экономике Сарепты произошел со стороны одного из главных потребителей товаров колонии – калмыцких улусов, часть которых в 1771 г. приняла решение уйти из России в Азию. Сарепта потеряла важнейших потребителей ее товаров, что не могло не отразиться на процветании сарептской экономики. Оставался еще Дербетский улус, но покупательная способность его была низкой.

Вторым ударом по Сарепте был «визит» в колонию отрядов Е. Пугачева, после которого поселок был полностью разграблен и поставлен на край гибели. Убытки колонии составили 70 тыс. рублей [7, с. 78]. Императрица Екатерина II, идя навстречу просьбам Сарептского общества об оказании помощи колонии и предоставлении средств братству на возмещение убытков от «банды Е. Пугачева», а также выделении денег на выплату долгов правительству и другим кредиторам, подписала указ, по которому:

1. Срок выплаты долгов колонии продлен на 10 лет считая с 1 января 1775 года.

2. Сарепте снова предоставляются 9 льготных лет. Колония свободна от налогов до 1806 г. [6, л. 288–293].

Поддержала Сарепту и Центральная Дирекция Братского Общества в Германии, и другие колонии братства. Все это позволило Сарепте довольно быстро восстановить разрушенное хозяйство и продолжить развитие.

Для ускорения экономического подъема колонии из Центральной Дирекции Гернгута в Сарепту с инспекцией в 1775–1777 гг. было

направлено несколько делегаций. Проанализировав хозяйственное положение поселения, они дали рекомендации по изменению жизни Сарепты, которые были приняты Центральной Дирекцией. Было решено для поддержки частных ремесленных мастерских взять в общинную собственность их хозяйства, взывая с них арендную плату, создать общинный фонд для уплаты податей с новых членов колонии и пр. Изменилась и административная организация колонии. Основным было то, что высшая гражданская власть, ранее принадлежавшая епископу Сарепты, теперь перешла к правлению, состоящему из старшины (форштеера) и трех заседателей. Эта реорганизация колонии позволила Сарепте в последующие 20 лет достичь наиболее высоких темпов развития за всю свою историю.

Однако случилось то, что должно было случиться с обществом, замкнувшимся в себе и не реагирующим на потребности идущей вперед жизни. С конца 90-х гг. XVIII в. начинается кризис религиозно-общинных устоев колонии, вызванный, с одной стороны, неудачей главной цели создания в России поселения как миссионерского поста Евангелического Братского Общества (результаты миссионерской деятельности сарептян описаны выше); с другой стороны, общинная система хозяйствования становилась тормозом для развивающейся экономики Сарепты.

Неудача миссионерской работы – единственной цели, которую ставили себе основавшие Сарепту гернгутеры, значительно подорвала духовные установки сарептского общества. Исследователи жизни Сарепты называют период конца XVIII – начала XIX в. «религиозным меланхолизмом» [3, л. 311] и отмечают, что колония могла существовать как община, следовавшая своему религиозному уставу, до тех пор, пока сохраняла верность своей изначальной идее. Потеряв эту основу, Сарепта не могла не умереть как братское общество. Духовный упадок был усугублен и все большей оторванностью колонии от других братских общин. Почти полностью прекратился приток в Сарепту новых членов из Германии. С начала XIX в. начала уходить в прошлое и строгая жизнь Сарепты. Одним из показателей этого был отказ от браков по жребию, так как они не соответствовали новой жизни. Все большее

число колонистов предпочитали серым, невыразительным цветам и покрою одежды, выражавшим стремление гернгутеров к аскетизму, европейское, модное платье.

Другим фактором, подрывавшим моральные основы сарептской общины, было большое количество наемных рабочих и арендаторов, находящихся в Сарепте. На глазах молодого поколения гернгутеров разворачивалась свободная и независимая жизнь тех, кто не был заключен в жесткие рамки религиозного общества. И вот уже с 20-х гг. XIX в. отмечается, что сарептские молодые люди, каждый шаг которых должен был находиться под строжайшим контролем старейшин, ищут выход в тайных попойках, уезжая в Чапурниковскую балку, находящуюся недалеко от колонии. Там же устраивают танцы, игры и другие развлечения, неся за это наказание вплоть до исключения из колонии. «Строгая жизнь Сарепты отошла в прошлое. Теперь молодежь и танцует, и женится по своей воле, и не так аккуратно посещает церковь. Питейное заведение прекрасно ведет свое дело» [2, с. 185–202]. С этого времени наблюдается усиление оттока колонистов из Сарепты. И если в первые годы существования колонии это были единичные случаи, то в конце XVIII в. и в 20–30-х гг. XIX в. наблюдается рост числа покидающих Сарепту колонистов. Этот процесс совпал по времени с отказом от миссионерства среди калмыков. В это время не было года, когда бы колонию не покидали сарептяне (в их числе были и отчисленные по дисциплинарным причинам). По данным историка и доктора богословия Хервига Хафа, до 1800 г. было 190 случаев выходов из общины Сарепты, причем эти выходы не были связаны с переводами и отзывами в Германию, которые были обычны для духовных профессий. В начале XIX в. их число составляло свыше 10 человек в год. Люди покидали угнетающее их религиозное сообщество с его чрезвычайно строгой дисциплиной, чтобы свободно и самостоятельно строить свою жизнь [3, с. 255]. С 1823 по 1830 г. выехало 74 человека. Главная убыль колонии шла из корпорации холостых братьев, большей частью из-за дисциплинарных проступков [3, с. 273]. Подводя итог, можно сказать, что первое поколение переселенцев, приезжая в далекую российскую миссию братства,

осознавала трудности миссионерской жизни и работы в поволжских степях и, несмотря на неудачу, оставалась верной идее и уставу Братского Союза, в отличие от пришедших им на смену поколений колонистов.

Одновременно разрушался и экономический уклад братской коммуны. Как уже отмечалось, в 70-х гг. XVIII в. экономика Сарепты переживала подъем, сарептские товары пользовались спросом и долго не залеживались в магазинах Царицына, Астрахани, Санкт-Петербурга, Москвы и других российских городов. Развивающиеся производства требовали новых мастеров и новых рабочих рук. Этими «руками» стали новые переселенцы-колонисты из Германии, однако если раньше в Сарепту приезжали братья и сестры, которые верили в предназначенную им идею братства и рассматривали свой вызов в колонию как призыв к миссионерской деятельности, то позже «требовались главным образом ловкие и работающие руки и, в конце концов, недостаточность рук вызвала даже мысль, что в Сарепте все сгодятся» [10]. Показательно то, что новые переселенцы в это время везли в своем багаже не только личные вещи, но и различные товары для продажи в России. В 1797 г. столичный агент Сарепты сообщает в Канцелярию опекунов иностранных поселенцев о том, что приехавшие в Сарепту три семьи привезли с собой в багаже товара (ткани, инструменты и пр.) общей ценой в 1 050 рублей, а шесть семей – на 14 тыс. рублей [8, л. 10, 10 об., 12]. Нехватка рабочих рук на расширяющихся производствах компенсировалась также наймом немцев-колонистов из северо-поволжских колоний. Освоив технологию различных сарептских производств и возвращаясь из Сарепты после окончания срока найма, они переносили сарептские технологии производства в свои родные места и, усовершенствуя производство, составляли серьезную конкуренцию Сарепте. Последняя, с ее преимущественно общинным хозяйством, где не было стимулов к технологическому развитию производства, часто эту конкуренцию проигрывала. Сарептские товары часто были хотя и качественней, но гораздо дороже, чем у конкурентов. Особенно это ударило по ткацкому, красильному и табачному делу в Сарепте. Для увеличения доходов колонии

община вынуждена была передать часть производств и имущества своим членам в частную собственность.

При таких условиях колония существовала и развивалась более или менее стабильно, однако с конца XVIII в. дела начинают идти все хуже и хуже, а некоторые отрасли (производство чулок, колпаков, производство сукна, ткани сарпинка и пр.) особенно с начала 80-х гг. XIX в. стали приносить убыток. Отрицательно повлиял на экономику Сарепты и падающий российский рубль, в то время когда колония во многом зависела от закупок иностранного сырья (колония покупала английский и персидский хлопок, германское оборудование для ткацких и колпачных фабрик, американский табак и др.). Конкуренция со стороны других поволжских колоний, пожар и разграбление в 1812 г. сарептского магазина в Москве, десятилетняя засуха и недостаток воды для мельниц, а также «недостаток таких братьев, которые при управлении общинными производствами могли соединить ловкость с усердием, а также верность делам» [10] привели к тому, что Сарепта столкнулась с ежегодным увеличением неоплаченных долгов. На конец 1818 г. неоплаченный долг составил 327 тыс. рублей. Наступающие новые реалии жизни требовали нового курса от руководителей колонии, а для этого требовались люди, имеющие ясный взгляд на запросы нового времени. Руководство общинной экономии делало такие ошибки, как покупка Мальцевской площади в Москве и устройство на ней пекарни, превращение комиссионной торговли в Саратове в самостоятельную торговлю, дорогостоящее восстановление магазина в Москве после пожара, организация магазинов в Астрахани. При этих обстоятельствах было понятно, что Сарепта не может вывести себя из кризиса, не приводя свое хозяйство в соответствие с новой экономической ситуацией, и это подорвет экономическую базу общинного принципа существования колонии.

Катастрофой для Сарепты стал крупнейший в истории колонии пожар в августе 1823 г., едва не приведший к гибели всего поселения. Убытки от пожара были огромны. Сгорело 37 домов и фабрик, 160 вспомогательных строений, более 350 человек остались без крова. Общинная экономия понесла убытки на

400 тыс. рублей, экономия холостых братьев на 200 тыс. рублей. И катастрофа заключалась не столько в сгоревших фабриках, главное состояло в том, что Сарепта не была способна произвести срочные платежи и отдать задолженность как в казну, так и в Центральную Дирекцию в Германии на погашение ссуд, и тем более по торговым обязательствам в России и за границей. В это время решался главный вопрос: быть или не быть Сарепте. Центральная Дирекция Братского Общества на синодальном собрании приняла решение о восстановлении колонии и, прежде всего, решила вопрос с заграничными кредиторами Сарепты, убедив их согласиться на рассрочку долговых обязательств Сарепты. Долги Сарепты по ссудам самой Дирекции также были рассрочены. Центральная Дирекция Братства передала Сарепте на восстановление около 163 тыс. рублей, собранных по заграничным общинам Братского Общества. Помогло Сарепте и российское правительство, выдав ссуду в 100 тыс. рублей с тем, чтобы уплата этих денег производилась по истечении 6 лет, в последующие 20 лет равными частями. Но эти меры не могли сами по себе обеспечить существование Сарепты. Требовались изменения всей схемы управления колонией.

В марте 1824 г. Сарепта получила от Центральной Дирекции новые правила управления колонией, основные пункты которых говорили о том, что, во-первых, колония обеспечивает свой бюджет текущих расходов исключительно собственными средствами, во-вторых, предписывалось повышение налогов и сборов как с частных предпринимателей, так и с общественных производств, в-третьих, предоставлялось право частникам обзаводиться домами и постройками за собственный счет, в-четвертых, торговлю и склады преобразовали, передав их в частную собственность или в ответственное комиссионерство.

В результате основная масса производств колонии была передана в частные руки, а в ведении общинной собственности оставались только гостиница, мельница да два магазина в Москве и Петербурге, в которых продавалась продукция частных предпринимателей Сарепты. Такое отступление от основного принципа общинного существования братства в пользу частной собственности принес-

ло свои плоды. Уже с 1825 г. долги колонии стали постепенно уменьшаться, а в 1862 г. Сарепта полностью избавилась от них. Становление производства на принципах не общинных, но капиталистических создавало абсолютно другую Сарепту, в которой развивающаяся частная собственность и индивидуализм представляли для ее членов в другом свете связь колонии с гернгутской структурой. В новых экономических реалиях, когда производители, поставщики и потребители производимой продукции становились все более взаимосвязанными, не оставалось места общинному, замкнутому в себе духу Гернгута. На смену коллективизму пришел индивидуализм. Внутри небольшой колонии появляются крупные родственные группы, владеющие огромным состоянием (Глич, Кноблех, Бауэр и др.), нередко враждующие между собой. Для них вопрос об отчислении части прибыли от их производств на нужды сарептской общины стал вопросом чисто моральным. Горничный магнат П. Глич действовал в соответствии с духом братской общины, в то время как другие предприниматели давно отошли от идей Гернгута. К концу XIX в. убытки торговых домов Сарепты в Астрахани и Петербурге дали повод к интригам против их руководства, назначенного общиной, а затем и начальник сарептской общины был обвинен в противозаконной продаже имущества колонии. Российские газеты стали обвинять Сарепту в переводе за границу большей части доходов. Все это привело к закономерному итогу – ликвидации братской общины на берегах Волги по решению Центральной Дирекции Братского Союза в 1892 году.

Так завершилась 127-летняя история колонии Евангелического Братского Общества Сарепты. В 1894 г. оставшиеся в поселке бывшие члены братской общины гернгутеров вошли в Евангелическо-Лютеранскую церковь России. Начался новый период истории поселения Сарепта.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Трансформация религиозной общины Сарепты в городской район г. Сталинграда, 1877–1937 гг.» № 15-11-34004.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братское соглашение Евангелической братской общины в Сарепте о порядках в ней и о поведении ее членов и жителей в Духе Христа. 1768. Барби. 1784 // Архив музея-заповедника «Старая Сарепта». – № 11696. – НК.
2. Велицын, А. А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России / А. А. Велицын. – СПб. : Типогр. Товарищ. «Общественная Польза», 1893. – 282 с.
3. Глич, А. История братской общины Сарепты в течение ее столетнего существования / А. Глич // Архив музея-заповедника «Старая Сарепта». – Ф. 3. – ОФ. V. – НК. – и/н 6965.
4. Дитц, Я. Е. История поволжских немецко-колонистов / Я. Е. Дитц. – М. : Готика, 1997. – 496 с.
5. Железчиков, Б. Ф. Причины неудачи миссионерской деятельности сарептян среди калмыков / Б. Ф. Железчиков // Международная научная конференция «Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепты в XVIII–XX веках. Взаимоотношения в области истории, науки, религии и культуры» (6–13 апр. 2000 г.). – Волгоград : Музей-заповедник «Старая Сарепта», 2001. – С. 297–303.
6. Зутер, Х. История общины Сарепты. 1765–1775 (прил. к «Унитас Фратрум». – 2003. – № 8) / Х. Зутер // Архив музея-заповедника «Старая Сарепта». – № 3146 (2). – НВФ.
7. Клаус, А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России / А. Клаус. – СПб. : Типография В. В. Нусвальта, 1869. – Вып. 1. – 516 с.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 883. – Оп. 29. – Д. 882. «О прибывших из Германии морем братьях и сестрах Братского Общества Сарептского. Август 1797 г.».
9. Сарепта: история успеха / А. В. Курьшев, С. Н. Лосицкий, А. А. Максимов, В. Н. Медведев ; науч. ред. И. О. Тюменцев. – Волгоград : Издатель, 2013. – 272 с.
10. Archiv der Brüder Unität. – R. 12. – Aa. 31. «Nachricht an die Excellence den Herrn Gouverneur in Astrachan von der Anzahl der Einwohner, gebäude, Gewerbe und Professionen der Colonie der evangelischen Brödr in Sarepta».

REFERENCES

1. Bratskoe soglashenie Evangelicheskoy bratskoy obshchiny v Sarepte o poryadkakh v ney i o povedenii ee chlenov i zhiteley v Dukhe Khrista. 1768. Barbi. 1784 [Fraternal Agreement of Evangelical

Fraternal Community in Sarepta on Its Orders and the Behavior of Its Members, and Residents in the Spirit of Christ. 1768. Barbie. 1784]. *Arkhiv muzeya-zapovednika "Staraya Sarepta"* [Archive of the Old Sarepta Museum-Reserve], no. 11696. NK.

2. Velitsyn A.A. *Nemtsy v Rossii. Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskikh koloniy na yuge i vostoke Rossii* [Germans in Russia. Essays of Historical Development and the Present Condition of German Settlements in the South and East of Russia]. Saint Petersburg, Tipogr. Tovarishch. "Obshchestvennaya Polza", 1893. 282 p.

3. Glich A. *Istoriya bratskoy obshchiny Sarepty v techenie ee stoletnego sushchestvovaniya* [The History of the Sarepta Fraternal Community Throughout Its Centennial Existence]. *Arkhiv muzeya-zapovednika "Staraya Sarepta"* [Archive of the Old Sarepta Museum-Reserve], F. 3, OF. V, NK. No. 14900.

4. Dits Ya.E. *Istoriya povolzhskikh nemtsevo-kolonistov* [History of German Settlers in the Volga Region]. Moscow, Gotika Publ., 1997. 496 p.

5. Zhelezchikov B.F. *Prichiny neudachi missionerskoy deyatelnosti sareptyan sredi kalmykov* [Causes of the Failure of Sarepta Missionary Activities Among the Kalmyks]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Istoricheskiye svyazi kalmykov Nizhnego Povolzhya i obshchiny Sarepta v XVIII – XX vekakh. Vzaimootnosheniya v oblasti istorii, nauki, religii i kultury" (6-13 aprelya 2000 g.)* [The International Scientific Conference "Historical

Interrelations of the Kalmyks and Sarepta in the 18-20th Centuries. Historical, Scientific, Religious, and Cultural Interrelations" (April 6-13, 2000)]. Volgograd, Muzey-zapovednik "Staraya Sarepta" Publ., 2001, pp. 297-303.

6. Zuter Kh. *Istoriya obshchiny Sarepty. 1765-1775 (pril. k "Unitas Fratrum", 2003, no. 8)* [History of Sarepta Community. 1765-1775 (Annex to the "Unitas Fratrum", 2003, no. 8)]. *Arkhiv muzeya-zapovednika "Staraya Sarepta"* [Archive of the Old Sarepta Museum-Reserve], no. 3146 (2). NVF.

7. Klaus A. *Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoy kolonizatsii v Rossii* [Our Settlements. Essays and Materials on the History and Statistics of Foreign Settlements in Russia]. Saint Petersburg, Tipografiya V.V. Nusvalta Publ., 1869, iss. 1. 516 p.

8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [The Russian State Historical Archive], F. 883, Op. 29, D. 882. "On Brothers and Sisters of Sarepta Fraternal Society Who Came From Germany by Sea". August 1797.

9. Kuryshev A.V., Lositskiy S.N., Maksimov A.A., Medvedev V.N. *Sarepta: istoriya uspekha* [Sarepta: History of Success]. Volgograd, Izdatel Publ., 2013. 272 p.

10. *Archiv der Brüder Unität*, R. 12, Aa. 31. "Nachricht an die Excellence den Herrn Gouverneur in Astrachan von der Anzahl der Elnwohner, gebäude, Gewerbe und Professionen der Colonie der evangelischen Brüder in Sarepta".

Information About the Authors

Andrey V. Kuryshev, Candidate of Sciences (History), Scientific Secretary, Old Sarepta Museum of History and Ethnography, Izobilnaya St., 10, 400026 Volgograd, Russian Federation.

Aleksandr E. Parfenov, Candidate of Sciences (Economics), Head of Department of History and Ethnography, Old Sarepta Museum of History and Ethnography, Izobilnaya St., 10, 400026 Volgograd, Russian Federation, parfyonov@yandex.ru.

Информация об авторах

Андрей Витальевич Курьшев, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта», ул. Изобильная, 10, 400026 г. Волгоград, Российская Федерация.

Александр Евгеньевич Парфенов, кандидат экономических наук, начальник отдела истории и этнографии, Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта», ул. Изобильная, 10, 400026 г. Волгоград, Российская Федерация, parfyonov@yandex.ru.